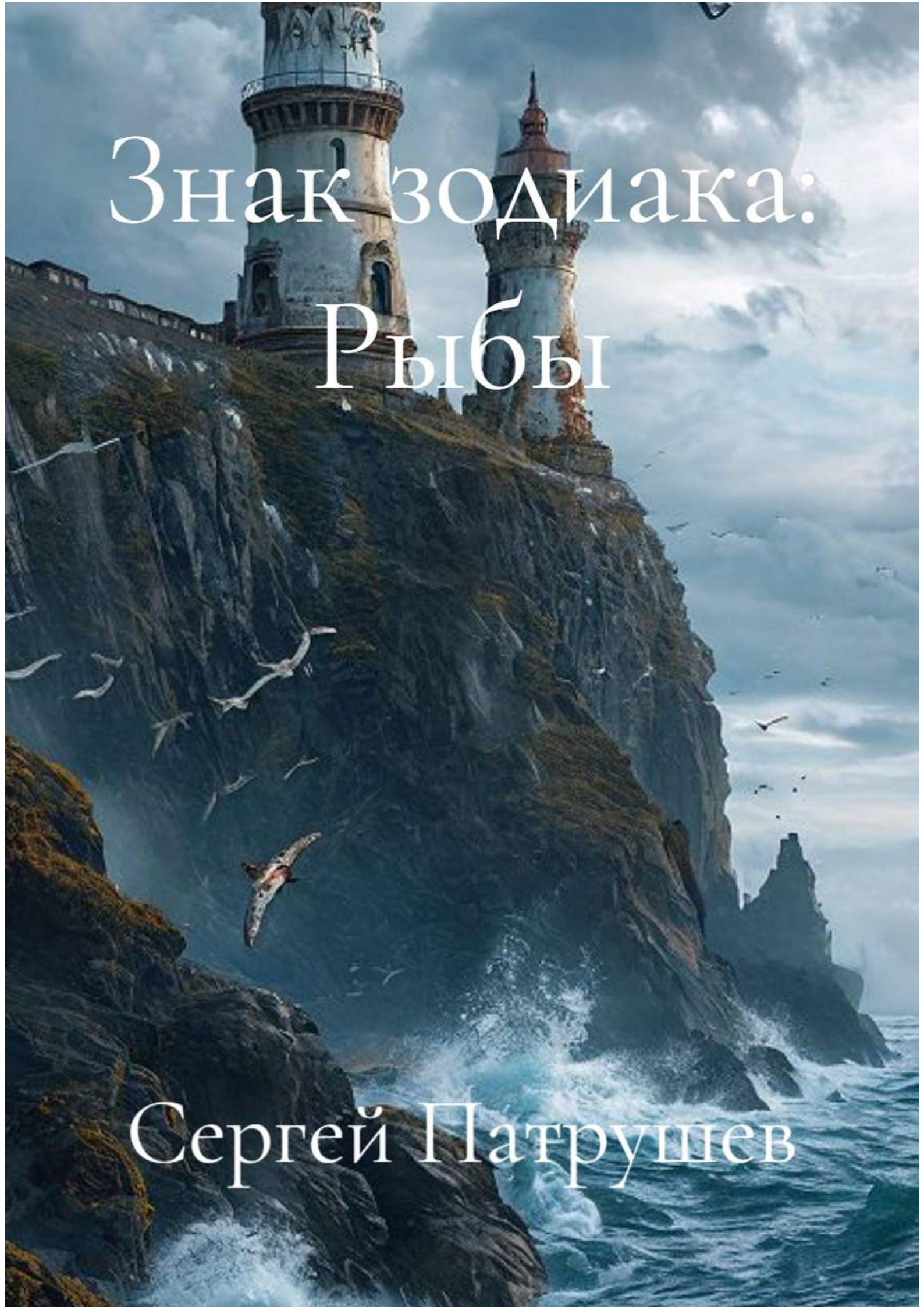

Знак зодиака: Рыбы

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Знак зодиака: Рыбы

«Автор»

2026

Патрушев С.

Знак зодиака: Рыбы / С. Патрушев — «Автор», 2026

На маленький прибрежный городок Омут опускается аномально густой туман а на отливном пляже находят тело девушки в старинном платье. Причина смерти не установлена, но в складках одежды обнаружена живая серебристая чешуя, светящаяся в темноте. Скептик-детектив Артём Горин, не верящий ни в мистику, ни в гороскопы, берётся за расследование и выясняет - это уже третья жертва за месяц. Все они родились в последний день знака Рыб - 20 марта. Единственная выжившая свидетельница, художница Вера, утверждает, что слышала в тумане голос погибшей матери и рисовала портреты жертв задолго до их смерти. По мере того как туман сгущается, а улицы города пустеют, Горину придётся решить: он расследует серию убийств или древний ритуал, в котором ему самому уготована особая роль, ведь он тоже Рыбы.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Туман над Орфеем	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Патрушев

Знак зодиака: Рыбы

Глава 1. Туман над Орфеем

Туман пришёл с моря беззвучно, как вор, перемахнувший через подоконник спящего дома, как бестелесный хищник, который не ломает веток и не шуршит листвой, а просто обволакивает, поглощает, лишает мир очертаний и перспективы. Ещё в три часа ночи небо над Омутом было чистым, звёзды висели низко и колко, словно осколки бутылочного стекла, вдавленные в чёрный бархат, и луна — убывающая, ущербная, похожая на обгрызенную серебряную монету — лила на воду холодный, мёртвый свет. К пяти утра от всей этой космической геометрии не осталось и следа: берег утонул в белёсой, плотной, почти осязаемой массе, которая поднималась из воды, как пар над гигантским котлом, и ползла на сушу с методичностью прилива. Это был не обычный осенний туман, пахнувший прелыми листьями, сырой землёй и дымом из печных труб, — этот туман пах солью, йодом и чем-то неуловимо древним, будто дыхание океанской впадины, где никогда не бывал солнечный свет и где обитают существа, которым не нужны глаза. Он гасил звуки, съедал очертания домов, фонарей и причалов, превращая знакомый с детства прибрежный городок в лабиринт без стен, где единственным ориентиром оставался неровный, надсадный крик чаек, мечущихся где-то над невидимой водой. Чайки орали истошно, с той особой истерической нотой, которая свойственна морским птицам перед штормом, но ветра не было, и море лежало странно спокойное, маслянистое, лишь изредка вздымая тяжёлую волну, которая обрушивалась на песок не с грохотом, а с глухим, утробным вздохом, словно вода не накатывала на берег, а всасывалась в него.

Артём Горин проснулся за минуту до звонка будильника — по многолетней привычке, выработанной годами службы в областном управлении, а затем отточенной до автоматизма здесь, в Омуте, где эта привычка была, пожалуй, единственным, что связывало его с прежней жизнью. Он лежал в темноте, глядя в потолок, по которому скользил рассеянный, неестественно мутный свет из окна, и пытался понять, что именно его разбудило. Не звук — внешних звуков не было вовсе, даже холодильник в кухне, обычно тарахтящий по ночам, как старый дизель, затих. Не свет — за окном не было видно ни соседней пятиэтажки, ни киоска с вывеской «Табак», ни даже веток старого тополя, которые обычно царапали стекло при малейшем ветре. Только белое, вязкое ничто, клубящееся, меняющее плотность, словно кто-то размешивал в гигантском стакане молоко. Горин сел на кровати, провёл ладонью по коротко стриженному затылку, ощущая под пальцами жёсткую щетину, которую нужно было бы сбрить ещё вчера, и опустил босые ноги на холодный пол. Мистика, подумал он с привычной долей скепсиса, той самой, что въелась в него, как табачный дым въедается в обои. Туман как туман. Перепад температур, близость моря, высокая влажность, точка росы. Обычное атмосферное явление, которое местные бабки, торгующие на рынке вяленой корюшкой и замороженными пророчествами, немедленно объявят предзнаменованием. Знамением. Знаком. Горин презирал это слово — «знак». Оно пахло для него дешёвыми гороскопами в гляцевых журналах, которые любила листать его бывшая жена, пахло суевериями матери, пахло беспомощностью перед хаосом мира, которую люди пытаются замаскировать верой в небесную канцелярию. Он не верил в знаки. Он верил в улики, мотивы, алиби, баллистическую экспертизу и отчёты судмедэкспертов. Всё остальное — для слабаков.

Он оделся механически, не включая верхний свет — хватило тусклой лампочки в коридоре, которая горела круглосуточно, потому что Горин не любил возвращаться в тёмную квартиру. Джинсы, свитер грубой вязки, кобура под мышкой. Табельный «ПМ» лёг на своё место привычной тяжестью, и Горин на мгновение задержал на нём руку, как верующий задерживает руку на амулете. Ему было тридцать пять, из которых пятнадцать он прослужил в органах, и за эти пятнадцать лет пистолет стал частью его анатомии, как пятая конечность или дополнительное ребро. Он бросил взгляд на кухонный стол, где со вчерашнего вечера осталась открытая пачка сигарет «Парламент» и пепельница с тремя окурками, смятыми с особой, яростной аккуратностью. Подумал, не закурить ли сразу, но решил, что сначала на воздух — если этот кисель за окном вообще можно назвать воздухом. Кофе он выпьет в отделении, из пластикового стаканчика автомата, который плевался кипятком и выдавал бурую жижу, отдаённо напоминающую напиток, но это был ритуал, а ритуалы Горин соблюдал неукоснительно. Привычка. Порядок. Последовательность. Всё, что держало его на плаву последние несколько лет после развода, после скандального дела Верещагина, после перевода из областного центра в эту дыру. Омут не был дырой в прямом смысле — городок был чистенький, курортный, с набережной, выложенной серой плиткой, с летними кафе под полосатыми тентами, с лодочной станцией и даже с собственным краеведческим музеем, где хранились окаменелые трилобиты и чучело тюленя-альбиноса, выброшенного морем в 1976 году. Но для следователя с амбициями, пусть и потухшими, засыпанными пеплом разочарований, он стал чем-то вроде ссылки, тихой заводи, где, как ему обещали при переводе, «ничего не происходит, Артём Сергеевич, отдохнёте, нервы подлечите».

Звонок раздался, когда он уже завязывал шнурки на ботинках — старых, разношенных, но надёжных, как танк. Мобильник завибрировал на тумбочке, высветив номер дежурной части, и этот номер, высветившийся на экране в такую рань, заставил сердце ёкнуть ровно один раз — неприятно, предчувствием, которое Горин немедленно подавил, потому что предчувствия были из того же разряда, что и знаки. Он взял трубку, уже зная, что утро перестало быть обычным.

— Горин, — голос дежурного, капитана Лосева, был сонным, но с той натянутой струной, которая появляется, когда случается по-настоящему дрянное дело. Лосев был мужиком основательным, прошедшим ещё афганскую кампанию, и просто так тревогу не бил. — Ты это... давай в отдел. Или нет, сразу на Песчаную косу давай. Там, у старого пирса. Тело нашли. Женщина. Молодая.

— Криминал? — коротко спросил Горин, уже накидывая куртку и проверяя, на месте ли ключи от машины.

— Чёрт его знает, — Лосев замялся, что было на него непохоже. — Рыбаки наши, Серёга и Митрич, на утренний клёв вышли, пока туман не такой густой был. А тут отлив. Они на отливе её и нашли. Говорят, девка лежит, как спит. И одета... странно одета. Я Ковальчука с Полиной Валерьевной отправил, они уже там. Но туман, зараза, всё скрывает. Фотограф ругается, вспышка не берёт, как в вату светим. Ждём тебя.

— Пьяная? Туристка? Сезон вроде кончился, — Горин попытался нащупать рациональное зерно, за которое можно было бы зацепиться.

— Нет там никакого сезона, Артём. И не пьяная она. Ты приедь, сам посмотри. Там такое дело... — Лосев осёкся, словно подбирал слова и не находил. — В общем, я такого не видел. А я, сам знаешь, много чего видел.

Горин сбросил вызов и несколько секунд стоял неподвижно, переваривая услышанное. «Странно одета». «Лежит, как спит». «Я такого не видел». Три фразы, которые не складывались в привычную картину. Он отогнал некстати всплывшее в памяти мамино суеверие — та верила в сны, знаки, гороскопы и прочую чушь, которая бесила его с детства своей иррациональностью. «Рыбы, Артёмка, ты у меня Рыбы, а Рыбам в этом месяце надо быть осторожными с водой. Вода — твоя стихия, но в марте она опасна, Нептун в ретрограде, сам посуди...» Он мотнул головой, выходя на лестничную клетку, где лампочка тоже не горела, и только тусклый свет из окна на площадке рисовал на стене размытые, шевелящиеся тени. Вода, берег, тело — совпадение. Не более. Стихия, Нептун, ретроград — бредни для домохозяек. Он следовательно, а не астролог.

Песчаная коса находилась в двадцати минутах ходьбы от его дома, но он поехал на служебной машине — старой «Ниве» цвета «белая ночь», пропахшей бензином, дешёвым табаком и резиновыми ковриками, которые не меняли с момента покупки машины в начале нулевых. Фары выхватывали из тумана только клубящуюся белизну в полуметре перед капотом, и Горину приходилось ехать почти на ощупь, ориентируясь по памяти и по тому, как менялся звук под колёсами — асфальт, гравий, песок. Он опустил боковое стекло, чтобы слышать море, и сразу же в салон ворвался влажный, солёный воздух, пропитанный йодом до такой степени, что начинало першить в горле. Шум прибоя был странным — не ритмичным, не успокаивающим, а глухим, утробным, словно вода не накатывала на песок, а всасывалась в него с каким-то чмокающим, непристойным звуком. Несколько раз он ловил себя на мысли, что двигатель работает слишком тихо, почти неслышно, и ему казалось, будто он плывёт сквозь вату в каком-то беззвучном аквариуме, где звуки распространяются по иным законам — медленно, искажённо, словно доходят из-под воды. Он включил радио, привычным движением покрутил ручку настройки, но из динамиков донёсся только шипящий треск помех, белый шум, в котором, если вслушаться, мерещились обрывки голосов, далёких, неразборчивых, то ли человеческих, то ли нет. Выключил. Тишина снова обступила машину, плотная, как тот туман, что просачивался сквозь все щели.

У пирса горели два тусклых жёлтых пятна — переносные фонари оперативной группы, работающие от генератора, чьё ровное гудение было единственным техногенным звуком в этом безмолвии. Горин вышел из машины, и влажный холод сразу же пробрался под куртку, лизнул шею, заставил поёжиться. Под ногами закрипел песок, смешанный с мелкими ракушками, высохшими водорослями и какими-то чёрными палочками — остатками тростника, который в изобилии рос в устье речки, впадающей в залив. Отлив обнажил широкую полосу дна — тёмного, илистого, усеянного лужами, в которых, как в кривых зеркалах, отражался туман и жёлтые пятна фонарей. У кромки воды, где песок становился плотным, мокрым, утрамбованным, стояли люди. Горин узнал сержанта Ковальчука, высокого, нескладного парня лет двадцати пяти, который нервно курил, пряча сигарету в кулаке, по-армейски, и судмедэксперта Полину Валерьевну, полную женщину лет пятидесяти с вечно уложенными в замысловатую причёску крашеными рыжими волосами, которая, несмотря на ранний час, холод и мрак, была, как всегда, при полном марафете — с подведёнными глазами, с золотыми серьгами-кольцами и в накрахмаленном белом халате поверх тёплой куртки. Она сидела на корточках рядом с телом, прикрытым куском брезента, и что-то диктовала в диктофон, но, заметив Горина, остановилась и поднялась, отряхивая руки, хотя руки были в перчатках и отряхивать было нечего.

— Артём Сергеевич, — сказала она вместо приветствия, и голос её, низкий, прокуренный, с хрипотцой, звучал странно — в нём проскальзывали нотки растерянности, не свойственные этой железной женщине, которая на своём веку искромсала скальпелем сотни тел и, казалось, уже ничему не удивлялась. — Я пока ничего не понимаю. Вообще ничего. Вы только посмотрите.

— С чего вдруг? — Горин подошёл ближе, кивнул Ковальчуку, который ответил ему нервным, дёрганым кивком, и опустил взгляд туда, куда показывала Полина Валерьевна.

Девушка лежала на спине, вытянув руки вдоль тела, и поза её была такой неестественно правильной, симметричной, словно кто-то тщательно укладывал её, поправлял складки платья, распрямлял пальцы. Ей было на вид не больше двадцати пяти, может, даже меньше — возраст терялся в этом странном, вневременном выражении лица. Тонкие, почти прозрачные черты, высокий, без единой морщинки лоб, брови вразлёт, светлые волосы, разметавшиеся по песку и уже потемневшие от влаги, но не спутанные, не слипшиеся, а лежащие ровными прядями, как у женщин на картинах прерафаэлитов. Глаза закрыты, длинные, чуть загнутые вверх ресницы отбрасывали тонкие, ажурные тени на бледные, фарфоровые щёки. Губы чуть приоткрыты, словно она хотела что-то сказать, но передумала в последний момент, и на губах застыл не то намёк на улыбку, не то просто игра света. Выражение лица было не испуганным, не мучительным, не тем застывшим ужасом, который Горин сотни раз видел на лицах жертв насильственной смерти, — скорее, торжественно-спокойным, отрешённым, как у святых на старых иконах, на которые он заглядывался в детстве, когда бабушка водила его в маленькую церквушку на окраине их городка. Он тогда ещё думал, что святые похожи на спящих кукол, и боялся, что они откроют глаза.

Но взгляд его приковало не лицо. Одежда. Полина Валерьевна была права, тысячу раз права — так сейчас не одеваются. Так, вероятно, не одевались уже лет сто, а то и больше. Длинное платье из тяжёлого, струящегося материала, напоминающего шёлк, но более плотного, более насыщенного по цвету — цвета морской волны, глубокого, переливающегося от тёмно-зелёного до почти чёрного, в зависимости от угла падения света. Высокий глухой ворот, плотно облегающий шею, длинные рукава, заканчивающиеся узкими манжетами с крошечными петельками для пуговиц, и ряд мелких перламутровых пуговиц, идущих от горла до пояса, — каждая пуговица была размером с ноготь мизинца и переливалась бледно-розовым, зеленоватым, голубым, словно внутренняя сторона морской раковины. Платье было старомодным до такой степени, что Горину на ум пришли музейные экспонаты, виденные им в краеведческом музее, — одежда горожанок конца девятнадцатого века, бережно сохранённая под стеклом. Но это платье не было музейным. Оно было совершенно не повреждённым — ни потёртостей на локтях, ни разрывов, ни выцветших пятен, ни следов долгого пребывания в воде. А в том, что тело должно было контактировать с водой, сомнений не возникало — его нашли на отливном пляже, в двадцати метрах от кромки воды, и песок вокруг был влажным, пропитанным морем. Это было невозможно, и от этого «невозможно» у Горина начинало свербеть где-то в затылке, в том участке мозга, который отвечал за профессиональную интуицию.

— Время смерти установить не могу, — Полина Валерьевна перехватила его взгляд и заговорила тише, явно не желая, чтобы слышали остальные, хотя остальных было всего двое — Ковальчук да водитель фургона, дремавший за рулём. — Трупное окоченение отсутствует полностью. Это как если бы она умерла только что, но при этом температура тела... она совпадает с температурой окружающей среды. А это десять градусов, не выше. Тело остывает со

своей скоростью, вы знаете. Чтобы остыть до десяти градусов, нужно несколько часов. Но тогда должны быть гипостатические пятна, а их нет. Признаков гниения нет. Кожа чистая, тургор сохранён. Я бы сказала, что она умерла час-два назад, но... Артём Сергеевич, вы посмотрите на её кожу. Она не мацерирована. Если тело было в воде, даже недолго, хотя бы несколько часов, кожа должна сморщиться, особенно на кончиках пальцев, на ладонях. Эффект «руки прачки». А тут — как живая. И этот разрез платья... Видите? Ни одной морщинки, ни одной складочки лишней. Как будто её только что сюда положили, из шкафа достали и положили. Но следов-то нет!

— Следы волочения? — спросил Горин, приседая на корточки рядом с телом. От девушки пахло морем — но не тем знакомым, чуть затхлым запахом, который остаётся на коже после купания в заливе, а другим, более глубоким, холодным, йодистым запахом, какой бывает, если открыть банку с морской капустой или зайти в рыбный отдел большого магазина. И ещё чем-то — сладковатым, едва уловимым, как запах цветущих водорослей.

— Никаких. Песок вокруг не потревожен. Я специально смотрела, и Ковальчук смотрел, и фотограф снимал. Она лежит так, словно опустилась сюда сверху, понимаете? Словно её положили с величайшей осторожностью, а потом разгладили все следы своего присутствия. Но ветра нет, песка нет на платье, а отлив не оставил вокруг неё характерного рисунка — этих волнообразных бороздок, которые всегда остаются на песке после ухода воды. Она как влитая в этот песок. Как будто она всегда здесь лежала.

Горин достал из кармана маленький фонарик — не полицейский, а свой, личный, купленный в магазине для подводного плавания, мощный светодиодный луч которого мог пробить даже самую мутную воду. Он посветил на лицо девушки, изучая каждую черту, каждую родинку. Кожа была безупречной, без косметики, без следов загара, без единого изъяна — такая кожа бывает у людей, которые никогда не выходят на солнце или пользуются услугами дорогих косметологов. Потом перевёл луч на руки, сложенные на животе. Пальцы длинные, тонкие, ногти аккуратные, покрытые бледно-розовым лаком без единого скола, словно маникюр сделали час назад. Ни царапин, ни синяков, ни обломанных ногтей — никаких следов борьбы. Горин перевёл луч выше, на ворот платья, и замер. В глубокой складке ткани, у самого горла, что-то блеснуло — мелкое, серебристое, перламутровое, отразившее луч фонаря радужной искрой.

— Это что? — он наклонился ниже, почти касаясь носом платья. — Чешуя?

— Похоже на то, — медленно кивнула Полина Валерьевна, и в голосе её Горин уловил ту особую интонацию, с которой врачи сообщают о неожиданной находке на рентгене. — Я заметила. Там не одна. Я насчитала семь штук. Они все в складках, в глубине, как будто их специально туда засунули. Или... они осыпались с чего-то. Но это, Артём Сергеевич, не рыба чешуя. Я немного понимаю в ихтиологии, у меня муж рыбак, мы с ним полжизны на рыбалке, я всякой чешуи насмотрелась. У камбалы чешуя мелкая и жёсткая, как наждак. У окуня — с зазубринами, колючая. У карпа — крупная, золотистая, плотная. У сельди — нежная, но сухая, ломается в пальцах. А эта — видите? — она протянула ему пинцет, которым уже успела подцепить одну чешуйку, — как слюда. Гнётся, не ломается. И светится.

Горин взял пинцет, стараясь не трясти рукой, поднёс чешуйку к глазам. Она была овальной, идеально гладкой по краям, с концентрическими линиями, расходящимися от центра, словно годовые кольца на срезе дерева, и внутри этих линий переливалось, пульсировало что-

то жидкое, серебристое, словно ртуть, но мягче, теплее по оттенку. Чешуйка действительно светилась — мягким, лунным светом, неярким, но различимым даже в луче фонарика, и от неё шло едва уловимое тепло, как от нагретого на солнце камня. Горин перевернул её, посмотрел на просвет — внутри, в толще полупрозрачного материала, словно медленно текли, смешивались серебристые и голубоватые слои. Он вдруг поймал себя на мысли, что не может оторвать взгляд от этого свечения, что оно завораживает, притягивает, как огонь притягивает мотылька, и это было настолько неприятное, чуждое его рациональному сознанию ощущение, что он резко, почти грубо положил чешуйку в пакетик для улик, который протянул подоспевший Ковальчук.

— Что думаете, Полина Валерьевна? — спросил он, поднимаясь и отряхивая колени, хотя колени были сухие. — Есть реалистичная версия?

— Реалистичная? — она хмыкнула, снимая перчатки. — Реалистичная версия такая: неизвестная девушка, одетая в антикварное платье, скончалась при невыясненных обстоятельствах, после чего неизвестные лица доставили её на Песчаную косу, уложили на песок с величайшей аккуратностью, засыпали в складки одежды неизвестное вещество органического происхождения, похожее на чешую неизвестного животного, а затем удалились, не оставив никаких следов, включая собственные следы на мокром песке. Вас устраивает такая версия?

— Меня она не устраивает ни в малейшей степени, — мрачно ответил Горин. — Ковальчук, что свидетели?

Сержант Ковальчук, до этого молча стоявший в стороне, шагнул вперёд и открыл свой блокнот, хотя, судя по бегающим глазам, читать по нему не мог — писал в темноте, наверняка каракулями. Он вообще был парнем старательным, но нервным, и эта находка выбила его из колеи сильнее, чем хотелось бы Горину.

— Личность не установлена, товарищ капитан. Документов при ней нет. Карманов у платья нет, я проверил. Ни колец, ни серёжек, ни цепочек — вообще никаких украшений. Как будто она из ниоткуда взялась. Митрич, ну, рыбак, который её нашёл, говорит, что они с Серёгой вышли на лодке около четырёх утра, туман уже был, но не такой густой. Сеть поставили, сидели, ждали. Потом услышали плеск, но не рыбий — «будто кто-то большой идёт», это его слова. Посветили — ничего, только круги по воде и пена, как от винта, хотя никаких лодок поблизости не было. Потом резко начался отлив, быстрее обычного, и на песке они увидели её. Сначала думали — манекен, кукла. Подошли — а там человек. Ну, они в полицию сразу. Больше никого на берегу не было, только собачники, но те пришли позже, когда уже рассвело.

— Собачники что говорят? — Горин достал сигарету, но закуривать не стал — просто вертел в пальцах, наслаждаясь знакомым, успокаивающим жестом.

— Ничего не видели и не слышали, — Ковальчук пожал плечами. — Говорят, туман был жуткий, собаки вели себя странно — скулили, не хотели идти к воде. Обычно бегут купаться, а тут упирались. Один из собачников сказал — цитирую: «Пёс у меня на море вырос, а тут как щенок дрожал и подвывал». Ну и всё, больше ничего.

— Проверьте по базе без вести пропавших за последние сутки, — распорядился Горин. — И за трое суток, и за неделю. И за месяц. Вообще по всему региону, включая соседние области. И свяжитесь с пограничниками: может, лодку какую видели или яхту, или катер. Может, сухогруз проходил. Может, с круизного лайнера кто-то упал, хотя откуда там лайнеры в

октябре. И ещё — проверьте краеведческий музей. Прямо с утра, как откроются. Платье это... Оно музейное. Может, пропажа какая была, кража экспонатов. Может, реконструкторы чудят.

Он развернулся и пошёл к воде, оставив Ковальчука дописывать распоряжения. Море дышало тяжело, с присвистом, волны лизали песок у самой кромки, оставляя пузырящуюся, желтоватую пену, и в этой пене Горину почудились мелкие, светящиеся искорки — но, возможно, это просто отражался свет фонарей. Он закурил наконец, глубоко затянулся, глядя в туман, который и не думал рассеиваться. Наоборот, он стал ещё гуще, ещё плотнее, и теперь фонари оперативников казались размытыми жёлтыми кляксами на сером холсте, а фигуры людей — тенями, колеблющимися в неверном свете. В голове у Горина крутились слова Полины Валерьевны, и от них становилось неуютно — не потому, что он боялся, а потому, что они не укладывались в привычную схему. Он не любил загадок. За двадцать лет работы — сначала курсантом, потом оперуполномоченным, потом следователем — он привык к чёткой логике преступлений. Есть мотив — деньги, ревность, месть, страх. Есть способ — нож, пуля, удавка, яд. Есть жертва и есть убийца. Между ними — связь, следствие, улика. Ножи оставляют раны, пули — отверстия, удавки — странгуляционные борозды, яды — характерные изменения в тканях. Всё это укладывалось в понятную, стройную картину мира, где каждое действие имеет противодействие, где ничто не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда. Даже самые изощрённые, самые запутанные преступления рано или поздно раскрывались, потому что преступник всегда оставляет след — физический, психологический, цифровой. А тут — ни следа, ни мотива, ни способа. И эта странная, светящаяся чешуя, от которой почему-то немеют кончики пальцев, как от слабого электрического разряда.

Он швырнул окурок в воду, проследил, как его подхватила волна и утащила в белую мглу, и вернулся к машине. Достал из бардачка планшет, открыл протокол осмотра места происшествия и начал заполнять графы своим мелким, убористым почерком, который понимала только его секретарша да он сам. Писать приходилось на капоте, подсвечивая фонариком, и туман оседал на бумаге микроскопическими каплями, размывая чернила, заставляя буквы расплываться, словно сам климат протестовал против фиксации происходящего. «Место происшествия: Песчаная коса, 50 метров восточнее старого пирса, — писал он. — Время осмотра: 6 часов 15 минут. Объект осмотра: труп неизвестной женщины, на вид 22-25 лет, европеоидной расы, волосы светлые, глаза закрыты. Особые приметы: отсутствуют. Одежда: платье старинного покроя, предположительно конец XIX — начало XX века, цвет тёмно-зелёный, материал, визуально напоминающий натуральный шёлк. При трупе обнаружены фрагменты неизвестного вещества, похожего на рыбью чешую, в количестве семи штук, серебристого цвета, обладающего люминесцентным эффектом». Он остановился, перечитал последнее слово, поморщился и исправил «люминесцентным» на «светоотражающим». Потом зачеркнул и «светоотражающий» и написал «обладающего способностью отражать свет». Меньше мистики. Меньше поводов для дурацких версий, которые немедленно начнут плодиться, как только слухи о странной находке поползут по городу. А слухи поползут — Омут был маленьким, все друг друга знали, и утаить что-либо было практически невозможно.

Когда он заканчивал писать, из тумана вынырнула фигура — не от пирса, не от машин, а со стороны старого маяка, который стоял на дальней оконечности косы, давно заброшенный, с выбитыми стёклами и ржавой винтовой лестницей внутри. Это был Митрич, один из рыбаков, нашедших тело. Он стоял поодаль, за линией ограждения, которую Ковальчук натянул между двумя колышками, мял в руках вязаную шапку и явно хотел что-то сказать, но не решался подойти. Горин заметил его, махнул рукой, подзывая, и старик приблизился —

медленно, боком, как подходит к незнакомому человеку собака, не уверенная, ударят её или погладят.

— Ну, рассказывай, — сказал Горин без предисловий, разглядывая его. — Во сколько вышли, как нашли, что видели. Всё по порядку.

— Да что видели-то, — Митрич шмыгнул носом, переминаясь с ноги на ногу. Глаза у него были красные, воспалённые — не то от недосыпа, не то от выпитого, не то от солёного ветра, а скорее всего, от всего вместе. Но говорил он трезво, внятно, и руки, державшие шапку, не дрожали. — Вышли затемно, как всегда. Я Серёгу в третьем часу разбудил, у него моторка на приколе у лодочной станции. Туман стоял — зверь, я такого лет двадцать не видел, с восьмидесяти пятого года, когда ещё на сейнере в море ходил. Мы лодку спускали почти на ощупь, фонарь не брал — луч упирается в эту белую стену и назад в глаза бьёт. Я говорю Серёге: «Не к добру такой туман, не будет клёва, поворачиваем, Митрич, не дури». А он упёрся: «В такую погоду, — говорит, — самая рыба идёт, она туман любит, подходит к берегу кормиться». Ну, вышли. Сеть поставили, метров сто от берега, на глубине. Сидим, курим, молчим. Чайки орут, как резанные, но высоко, не видно их. Я ещё подумал: «Чего они орут, дуры, в такую рань? Обычно чайки на рассвете просыпаются, а тут ещё темень». А потом слышим — плеск.

— Какой плеск? Опиши подробнее, — Горин достал сигарету, протянул Митричу, тот взял, кивнув, закурил, прикрывая огонёк ладонью.

— Не такой, как от рыбы. Рыба, когда плещется, — звук резкий, хлёсткий. А тут — будто кто-то большой идёт, плавно так, мощно. Как если бы дельфин выпрыгнул и обратно ушёл, но у нас дельфинов в заливе нет, они южнее держатся. Я на воду посветил — ничего. Только круги пошли, широкие, расходящиеся, и пена, как от винта. Но тихо всё, моторов не слышно. Вообще тишина была — жуткая, мёртвая, только чайки орал. И тут — тишина. Чайки разом замолкли. Я аж вздрогнул. Серёга говорит: «Слышь, Митрич, а ведь тихо стало». А у меня, не поверите, Артём Сергеевич, волосы на загривке дыбом встали. Я мужик не робкий, вы знаете, я и в море тонул, и в переделках бывал, а тут — страх какой-то животный, иррациональный. Я Серёге говорю: «Всё, хорош, уходим, не нравится мне здесь». Стали сеть выбирать, а она пустая, ни одной рыбёшки, даже мелочи не запуталось. А мы вчера в том же месте сети ставили — полный улов взяли. И вот тут отлив начал падать резко, быстрее обычного, я такого отлива не видел никогда — вода как из ванны уходит, с хлюпаньем. И на песке — она. Лежит, как на витрине. Руки по швам, волосы разложены, платье это... Мы сначала подумали — манекен. Розыгрыш. Потом ближе подошли — а это человек. Живая. То есть... неживая. Но как живая.

— Во сколько это было?

— Часы у меня встали, — Митрич виновато развёл руками. — У меня старый «Полёт», ещё отцовский, он от влаги останавливается. Но ещё до рассвета, это точно. Может, в пятом часу, может, в начале пятого. Я время плохо чувствую, когда на воде.

— А почему ты сказал «как на витрине»? — зацепился Горин. — Что именно ты имел в виду?

— Ну... — старик замялся, покосился на фургон, куда уже загружали тело. — Она красивая была. Слишком красивая для мёртвой. Мёртвые, они... другие. Они уже не здесь. А она была как живая, только не дышала. И песок вокруг неё — как блин, ровный, ничьих следов. А

вода вокруг стояла, лужицы, а на ней — ни капли. Сухая вся. Платье сухое, волосы сухие. Как такое может быть, если её море выбросило? Море не сушит, оно мочит. Это любой дурак знает.

Горин записал его слова в блокнот, хотя понимал, что эти детали не войдут в официальный протокол. Потому что они противоречили здравому смыслу, законам физики, всему, чему его учили. Тело, выброшенное морем, не может быть сухим. На нём не может быть старинного шёлкового платья без единого повреждения. И чешуя в складках одежды не может светиться в темноте, излучая собственный, ни на что не похожий, живой свет. Но всё это было. И с этим предстояло работать — ему, Артёму Горину, капитану полиции, скептику и прагматику, человеку, который не верил ни в бога, ни в чёрта, ни в гороскопы.

Он отпустил Митрича, велел Ковальчуку заканчивать с осмотром и готовить документы для возбуждения дела, а сам сел в машину. Прежде чем повернуть ключ зажигания, он достал из внутреннего кармана куртки удостоверение, раскрыл его и долго смотрел на фотографию. Уставший мужчина с короткой стрижкой, лёгкой небритостью и взглядом, в котором читался цинизм пополам с усталостью. Под фотографией — фамилия, имя, отчество, звание. Всё чётко, ясно, определено. Он закрыл удостоверение, сунул обратно и достал пакетик с чешуйками. Семь штук. Семь серебристых, переливающихся овалов. Семь — число, которое его мать назвала бы магическим. «Семь — число Рыб, Артёмка. Семь нот, семь цветов радуги, семь дней недели. Ты, как Рыбы, должен чувствовать эти вибрации». Он резко убрал пакетик, завёл двигатель, и «Нива», кашлянув, поползла сквозь туман обратно в город.

В зеркале заднего вида Песчаная коса исчезла почти мгновенно, растворилась в белой мгле, и только жёлтое пятно фонаря ещё несколько секунд висело в воздухе, словно чей-то пристальный, немигающий глаз, провожающий его. Артём Горин ехал медленно, думая о том, что завтра утром ему предстоит получить результаты вскрытия, и он очень боялся — не как мальчишка, а как профессионал — что они ничего не объяснят. Или, что гораздо хуже, объяснят всё совершенно неправильным, невозможным, иррациональным образом, который поставит под сомнение все его жизненные устои. Когда он подъезжал к отделению, туман начал рассеиваться так же внезапно, как и появился. Сначала проступили контуры домов, потом — мокрые, чёрные стволы тополей, потом — полоска серого, низкого неба над заливом. Город просыпался: хлопали двери подъездов, где-то залаяла собака, и первый, ещё робкий луч солнца пробился сквозь облака, упав на мокрый асфальт, заиграл в лужах. Мир снова становился обычным, понятным, подчинённым законам физики, химии, логики. Но в кармане куртки Артёма Горина лежал маленький пластиковый пакетик, в котором семь серебристых чешуек пульсировали своим таинственным, живым светом, не желая подчиняться никаким законам, кроме тех, что были написаны задолго до появления человека — в тёмной, холодной, безмолвной глубине, куда никогда не проникал солнечный свет и где обитают создания, не нуждающиеся в именах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.